

Л.В. Попова

«ВСЕ, КАК В ЖИЗНИ»:

ОБРАЗ ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ В РАССКАЗЕ Н. ГОРЛАНОВОЙ «ДЕВОЧКА РОСЛА».

УРОК-АНАЛИЗ В 10 КЛАССЕ

Современной литературе в школе не повезло. Время, отведенное на нее в разных программах, недостаточно даже для беглого обзора. Парадокс же заключается в том, что отдельные образцы современной прозы будто специально создаются для старшекласников. А начинающему взрослому человеку крайне важно учиться понимать себя и мир в «сотворчестве» с хорошей книгой. Именно такой книгой видится нам первый рассказ «Девочка росла» из цикла Нины Викторовны Горлановой «Мужчины в ее жизни». Он о девочке-подростке – тонкой, наблюдательной, размышляющей и пишущей.

Нина Горланова – одна из интереснейших современных прозаиков, живущих в Перми. Она замужем за писателем Вячеславом Букуром. Мать 4 детей. Печатается в журналах «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», «Континент» и др. Автор многих книг, среди которых «Дом со всеми неудобствами» (М.: Вагриус, 2000), «Подсолнухи на балконе» (Екатеринбург, У-Фактория, 2002), «Чужая душа» (М.: СовА, 2005), лауреат многих престижных премий. Произведения Н.В. Горлановой переведены на английский, испанский, немецкий, польский, французский языки.

Проза писательницы подкупает читателя особой доверительностью интонации. Она словно «ткется» из реплик окружающей нас речи. В ней узнаваемы наша боль, тоска, тревога и, конечно же, любовь... Эта доверительность определяет, как правило, «превращение мира людей в мир родных и близких... Зачастую в данный персонажный ряд на равных входит и сама Нина Горланова – персонифицированный образ автора. Отсутствие дистанцированности, жизненная толкотня, “коммунальность” как принцип “коммуникативности” (наблюдение М.П. Абашевой) – все это позволяет писательнице быть по особенному зоркой к человеку, увидеть в нем то, что невозможно заметить ни с каких иных позиций».¹

¹ Хрящева Н.П. Образ нашего времени в повести Н.В. Горлановой «Метаморфозы» // Проблемы литературного образования: Материалы IX всероссийской науч.-практ. конференции. Часть 3. Екатеринбург, 2003. С. 299.

Людмила Васильевна Попова – Почетный работник общего образования, учитель высшей категории МОУ гимназии № 99 (г. Екатеринбург).

Подобная форма своей «распахнутостью» к человеку очень подкупает и юного читателя. В рассказе «Девочка росла» писательница чутко, просто и бережно рисует смену разных состояний, через которые взрослея проходит детская душа. Рассказ построен как внутренний монолог главной героини. Ее невысказанная вслух речь, рожденная все ширящимся потоком чувств, ощущений, размышлений, которыми так богата отроческая пора, открывает сложный процесс вызревания личности. Однако индивидуально-неповторимое автор показывает через устойчивое, повторяющееся, типичское, свойственное хрупкому возрасту, поэтому у девочки нет имени.

Цель нашего урока – увидеть, как создается писательницей образ главной героини. Попытаемся ее достигнуть, обратившись к анализу внутренней жизни девочки. Вглядимся в прихотливость мельчайших изменений в ее душе. Наш анализ начнем с вопроса о времени повествования.

Как передается автором движение времени?

1. «...Она за лето перед 8-м классом...» (14)².
2. «И когда поздней осенью в восьмом классе, уже на исходе первой четверти...» (16).
3. «Железный ритм (сенокоса – Л.П.) изматывал девочку, которая после 8-го класса...» (19).
4. «Девочка... аж до конца октября носила цветы на любимое крыльцо» (20).
5. «И вдруг на новогоднем вечере в школе...» (22).
6. «За две недели каникул и тоски...» (23).
7. «С третьей четверти они учились в одну смену...» (24).
8. «Три годовых контрольных девочка написала на тройки, табель за девятый класс оказался плохонький» (26).

Мы видим, что все события душевной жизни героини тесно увязаны со школьным календарем, с его неотменимой этапностью. Однако школьные знания «не успевают» за стремительностью взросления и неожиданностью открытий, которые делает девочка о себе и мире.

² Горланова Н. Подсолнухи на балконе: Только проза. Екатеринбург: У-Фактория, 2002. Далее ссылки даются на это издание с указанием страниц в скобках.

Попытаемся определить важнейшие этапы ее взросления и суть делаемых ею открытий на каждом из них.

Первый этап – это состояние томления, переживаемое девочкой. «Душа ее пустовала. Почти все ровесницы к 8-му классу начали целоваться с мальчиками, а поссорившись с ними, плакали. Она... завидовала им сладкой, иссыывающей сердце завистью...» (13). Попытки заполнить эту пустоту как обычными занятиями: «учеба», «дружба», «сенокос», так и новыми «взрослыми» ощущениями: «старшеклассницы предложили закурить...» – все эти попытки оказываются бесполезными: «ничто не давало ей чувства удовлетворения...» (15). Тогда девочка решила по-взрослому отпраздновать свой день рождения. За праздничной событийностью: спором о том, что «пора себя закалять и испытывать», завершившимся ритуальным походом на кладбище, автор показывает другую – потаенную сторону: героиня вдруг впервые увидела, как «бабушка сдала, как дрожит ее рука». Родная, привычная бабушка увиделась новыми жалеющими глазами.

Но главное – в ту же ночь «ей приснился соседский мальчик, уже пользующийся успехом у старшеклассниц», и вся ее душа затрепетала, наполнившись этим новым ощущением до краев. Сразу отметим, что автор, лишая его имени, дает ему на редкость точную фамилию – Любимов. Он значим для девочки не столько как самостоятельная личность, сколько как предмет души, готовой любить. Размышляя о нем, девочка пробует понять причину отчужденности семьи мальчика от жизни поселковых. Здесь обнаруживает себя одно из центральных свойств горлановской прозы: мир ее героев невозможен, неполон без семейно-родовой эстафетности, он формируется семьей, соткан из ее координат. Так, по-женски прозорливо девочка почувствовала главное: в семье мальчика – любовь. «Тот (отчим – Л.П.) держал мать Любимова под руку настолько деликатно, что сам то и дело соскальзывал с тротуара» (17). Это зрелище настолько удивляет девочку, что она, сама того не ведая, задается вечным женским вопросом: «Что он в ней нашел?» (17). Попутно героиня делает еще одно открытие: мир, ее окружающий, переполнен любовью, именно любовь правит жизненным «балом». «Жених соседки-медсестры выбил лампочку в фонаре, чтобы создать себе все условия» (19). И если раньше девочка лишь дежурила у окна, боясь пропустить тот миг, когда «своей веселой походкой пройдет мимо ее дома Любимов», то теперь, чтобы взглянуть на него, она прячется по ночам в кустах смородины, более того, ук-

радкой носит на крыльцо Любимова цветывлеккой.

Но любовь любовью, а как только представилась возможность просто целоваться, потому что «в ее возрасте все целуются», девочка «покорилась безвольно».

Почему? Давайте подумаем, что означает эта «безвольность» для нее самой?

Когда «превозмогла науку целованья», а Сережке Капричуку кроме этого «ничего не было нужно», героиня почувствовала себя «в затруднительном положении»: «стало как-то непонятно» (21). Поиски выхода из него, характеризующая героиню, обнаруживают и главные свойства горлановской прозы. В ее мире невозможно глубокое «отчуждение», «сольное» решение духовного вопроса. Свою «инакость» девочка реализует не вопреки, а в согласии со школьным социумом. Она чувствует свою тесную связь с ним, зависимость от него. Она и не намерена бороться против его жестких правил. Так, Прекрасной Обожательницей Сережи Капричука назначила себя Вера Порошина. Узнав о том, что наша героиня нарушила «рыцарскую конвенцию», пригласив мальчика к себе в гости, Порошина возмутилась: «Ах так! Ничего, они у меня рассыплются!» (21).

И наша героиня отменяет приглашение в гости. Как вы полагаете, почему?

Нет, не потому, что испугалась: она пожалела Сережу, не стала лукавить, делать из него своего героя, сразу заметив, что он «какой-то жиденький, высокий, но худой, с белыми негустыми волосами и бледными глазами» (21). Он «не тот», а бороться просто за «поклонника» она не захотела.

Сквозь эти метания делается заметной еще одна черта художественного мира Н. Горлановой, относящаяся к изображению персонажей. Жизнь души тесно увязывается в ее прозе с жизнью тела. Если период душевного томления сопровождался резкими физиологическими переменами: девочка «начала чувствовать свое тело» – то его «тяжесть», то невесомость, а то вдруг «выскочила вверх... обогнав подруг... чуть не на голову» и став «местами прозрачной» (14); то душевное смятение спровоцировало болезнь: «Температура... подскочила» (21).

И все же поступок героини есть лишь внешнее проявление ее непохожести на других, мера же внутреннего осознания происшедшего в ее стихах. Примечательно, что стихотворение на случай – прощание с Сережей – у нее не получилось, а написалось другое в продолжение первому, которое читали и переписывали все старшеклассницы, подозревая у нее тайный роман.

Попытаемся сопоставить первое стихотворение с внезапно написавшимся продолжением. Подумаем, в чем их сходство и чем они глубоко различны?

Сердце мое глухонемое: не слышит оно твоих поцелуев, не скажет оно нежных ответов... Сердце мое глухонемое (13).	Где мне найти сердце другое, где мне достать сердце такое: и не глухое, и не немое – очень простое, очень земное?! (22)
---	--

В обеих частях стихотворения образ сердца центральный. Однако в первом оно названо «глухонемым», так как еще не разбужено – «не слышит» и потому не способно отзываться. «Глухонемое сердце» словно олицетворяет саму героиню, не случайно у нее нет имени: «она еще не родилась» (О. Мандельштам) во всей прихотливой неповторимости девичьих черт. Второе стихотворение несет осознание того состояния души, которое изображено в первом. Оно оказалось возможным благодаря опыту первых нежных привязанностей, свойственных отрочеству. Ведь только опыт сердца позволил героине отличить «настоящую нежность» (А. Ахматова) от игры во взрослость. Этот опыт превратил томление героини в «целенаправленное стремление»: «найти», «достать» «сердце другое», которое бы могло услышать и сумело ответить. Финал второй части несколько даже превышает отроческий разум: девочка мечтает о сердце «простом» и «земном».

И мечта девочки готова осуществиться... «Вдруг на новогоднем вечере в школе Любимов стал с нею танцевать... Все были в масках... появилась мысль: Любимов ее с кем-то путает... откинула вуаль только во время третьего танца... А он пригласил ее на четвертый танец» (23).

Почему девочка испытывает смятение? Как воссоздан период их взаимного «притяжения»?

Новогодний бал переворачивает душу девочки: думала «всю жизнь будет страдать без взаимности» – «твердо решила (ее – Л.П.) добиваться». Проникновенно, по-женски понимающе рисуется Н. Горлановой «невидимая пружина», натянувшаяся между подростками: будто появился «некто, устраивающий... встречи специально» (24) – «в школе на переменах», «в магазине», «в аптеке», «в лесу».

Теперь подумаем, каким мотивом объединяет автор разные этапы взросления девочки?

Да, мотивом письма. Героиня живет напряженной внутренней жизнью, стремясь «рукописно» осмыслить все, что происходит во-

круг. Она пишет стихи, которые пользуются успехом в школе, (любит заучивать наизусть: выучила «Евгения Онегина» и «Гамлета»), пишет дневник, воображаемые письма Любимову. И она же «в бессилии» будет рвать «свои тетрадки со стихами и прочим дневниковым бредом о Любимове», о том, что благодаря ему она стала глубже понимать «взаимосвязи явлений и людей» (25), когда узнает, что ее отец нашел себе другую и уходит от них. Перед нами завершающий отрочество «скачок» взросления героини. Он отмечен резкой сменой оценки: недавно дорогие дневниковые записи о Любимове ввиду крушения семьи, история которой ей открылась в новом свете, увидены девочкой «бредом».

Итак, первое цветение влюбленности – нежное, чистое, хрупкое – Н. Горланова приводит в соприкосновение с жизнью, как она есть. Нет, не с чернухой, а с обычными в ней драмами, слезами, горечью.

Постарайтесь пронаблюдать, как меняется к финалу рассказа тип повествования? В какую форму переходит внутренний монолог? Чем вызвано это изменение?

Внутренний монолог переходит в диалоги. Один из них – с матерью:

– Деньги!.. Дура! – и, схватив дочь за шиворот, с маху стукнула по голове кистью.

Девочку никогда не били. Опешила.

Сквозь слезы зло спросила:

– Ты чего? За что?

– Деньги. Прячала от отца.

– А-а! – захлебнулась девочка. – Сколько?!

(27)

Другой – с отцом:

Отец... был трезв, искал какие-то деньги, кричал на мать и выбросил в окошко букет черемухи, который девочка... поставила... после уборки... дочь крикнула ему прямо в лицо:

– Швыряйся, швыряйся! А когда умрешь, я ни цветка к тебе на могилу не принесу!

Он... отхлестал ее по лицу, приговаривая:

– Змееныш! Змея! Я тебе покажу могилу!

(27)

Девочка внезапно покидает укромно-защищенное пространство отрочества, стремительно «влетая» во взрослую жизнь: «Ей стало жаль мать так же сильно, как ненавистно видеть отца» (27). Это чувство к отцу она, не помня себя, и «транслирует» ждущему ее «у ворот» мальчику: «крикнула четко и с ненавистью, зная, что этим ставит точку на своих отношениях с Любимовым, и на своем отрочестве, зная также, что всегда будет об этом жалеть...» (28). Внезапно ввергнутая в семейную поруху, девочка становится разрушительницей сама. Та-

кова «диалектика» крушения семьи, проявленная нам Н. Горлановой.

Изображение этой «диалектики» потребовало смены повествовательной формы – вместо внутреннего монолога «драматический» диалог с установкой на достоверность. Смысл происходящего здесь «равновелик» именно диалогу.

Теперь подведем итог проделанному нами анализу текста.

Образ главной героини рисуется Горлановой через изображение ее внутренней жизни. Поэтому главной формой повествования является внутренний монолог. Он задает расказу особый ритм и особую временную отмеченность. Главным предметом изображения оказываются в нем чувства, переживания девочки-подростка. Рассказ построен на стремлении героини осознать происходящее вокруг, на это направлены ее стихи, дневник, воображаемые письма, разговоры с одноклассниками, из фрагментов которых «ткется» монолог. Поэтому в рассказе нет и следов привычной нам сюжетно-фабульной динамики. Прозу Н. Горлановой критика справедливо определяет как бесфабульную. Особый интерес вызвал у ребят финал рассказа. Смена формы внутреннего монолога специфичным горлановским диалогом, словно запечатлевающим саму нашу жизнь, как нельзя лучше выразила переход героини из отрочества во взрослую жизнь.

Думается, что наблюдения над поэтикой Горлановой, отражающей понимание детской души, выраженное чутким, достоверно простым словом, – хороший путь к формированию внимательного, заинтересованного читателя.

В заключение приведем фрагменты письменных работ старшеклассников.

Рассказ Н. Горлановой «Девочка росла» оставляет впечатление туго закручивающейся пружины: читая его, словно поднимаешься по виткам спирали. Кажется, что мир вокруг героини один и тот же, но он стремительно меняет свой облик, потому что девочка переоценивает его. Даже собственное тело стало новым для нее – то тяжелым, то невесомым.

Но активнее всего меняется внутренний мир героини. Хотя автор оставляет ее безымянной (прием, намекающий на типичность персонажа), есть в девочке что-то, заметно отличающее ее от других. Мне мир ее души показался необыкновенно, даже пугающе глубоким, недаром естественным способом самовыражения она выбирает стихи.

Или стихи выбирают ее, чтобы «излиться»? Сама-то она не видит в их сочинении чего-то незаурядного (потому и сравнивает, сближает Горланова процесс сочинения стихов с процессом собирания грибов), а вот подруги на ее «романтические порывы» реагируют так, как следует в пятнадцать лет: верят их достоверности безоговорочно, как положено «младости».

Мир девочки весь из противоречий, и чувствует это лишь ее старенькая бабушка: «Пахнешь, как богородица, а ночами бродишь, как распутница». Другим в семье до девочки с ее смятием дела нет. Глубина ее одиночества измеряется еще и тем, что бабушка-то, оказывается, ей чужая. Но не кровь, а дух роднит юную и старую женщин: обе искренне не понимают простых вещей в окружающем мире, а главное – почему они так одиноки.

От одиночества девочку не спасло и первое чувство. Точнее – первое предчувствие. Ее особое внимание к соседу тем и хорошо для нее, что исполнено тайны. Убери ее – и исчезнет всякий интерес.

Каишуллина Кристина.

В этом рассказе показано внутреннее взросление девочки, становление ее личности. Она удивила меня своими чувствами и размышлениями. Она смотрит на мир совершенно другими глазами, чем ее подруги. И я во многом с ней согласна. Переживания ее заставили «работать» мою душу.

Первая любовь, разногласия в семье, школьная жизнь... Как это знакомо и близко. Девочка становится взрослой, преодолевая барьер детства, беззаботности, игр... И мы взрослеем вместе с ней.

Беседина Мария.

Прочитав рассказ Нины Горлановой «Девочка росла», в главной героине я узнала себя. И уверена, что многие юные девочки увидели бы в ней себя или своих подруг. Главная героиня (автор не называет ее имени, возможно, потому, что это образ отрочества) ищет свой путь, ищет то, что сделает ее счастливой. Поначалу она завидует сверстницам, которые преуспели в деле поцелуев больше, чем она, и пытается подражать им. Потом она закурила, но только для того, чтобы быть «такой, как все», «поскорее приблизиться к взрослым». Желание скорее повзрослеть присуще каждому подростку, это вполне нормально. Но она поняла, что это не для нее, и бросила привычку. Она нашла себя в поэзии, и это спасло ее от подражания. И она нашла себя, казалось, в любви к Любимову.

Это совсем другое, чем ее встречи с Сережкой. Как ей хотелось доверять! Но тут в семье начался разлад, и девочка безоговорочно встала на сторону матери. А свое отношение к отцу перенесла на Любимова. Потому и выкрикнула несправедливые слова, о которых потом пожалела, но которые навсегда разорвали их «ниточку» с соседом.

Соловьева Ирина.